

Глава 20

СУДЬБА ТЕНЕВОГО КЛАНА АСО

– Что ты сейчас сказала, Харуиз?

Чиаки пришлось переспросить, потому что услышанное было невероятно.

– Наоэ... жив?..

Разговор этот происходил несколько раньше, вечером того дня, когда Чиаки сумел договориться с Миикэ Харуей. Потом ему позвонила Аяко и огорошила своими новостями.

– Кайзаки...

Аяко на том конце телефона ещё слегка захлёбывалась словами. После того, как Кайзаки оставил её в палате без чувств, над ней хлопотали обнаружившие её медсёстры, и прошло какое-то время, прежде чем она смогла связаться с Чиаки.

– Кайзаки Макото и есть Наоэ. Это он. Всё время был он.

Не может быть, подумал Чиаки, а вслух спросил:

– Как ты это поняла?

Аяко, держа в одной руке трубку, приложила пальцы к виску и заставила себя несколько раз вдохнуть и выдохнуть, чтобы успокоиться.

– Я не знаю точно, что он сделал. Он не переродился в Кайзаки и не подселился к нему. Но это Наоэ!..

Аяко помотала головой, почувствовав, что полностью сбила Чиаки с толку.

– Извини, я немного нервничаю. Но никто, кроме Наоэ, не мог бы мне такого сказать. Это единственное объяснение.

Чиаки какое-то время молчал – не мог найти слов, а потом взял себя в руки и покрепче прижал трубку к уху.

– То есть, Кайзаки Макото всё это время был Наоэ? Но Кайзаки заодно с Отомо. Это – тоже Наоэ, ты хочешь сказать?

Единственное, что могла сказать Аяко – что она ничего не понимает. Вся эта ситуация, похоже, ещё не уложилась у неё в голове.

– ...Ладно, – Чиаки несколько раз без повода кивнул, заставляя себя сохранять спокойствие. – Ну, а с Кагэторой что? Жив он или нет – тебе удалось выяснить?

– Кайзаки сказал, что жив. Что он понял, где его искать, и что он привезёт его обратно.

– Кайзаки?

– Да... В любом случае, я сейчас еду в Хоммёдзи. Надо что-то делать с барьером. С Ягами я уже связалась...

Аяко была права. Перед лицом надвигающихся войск Симадзу город нужно было защищать от мстительных духов – всё остальное отходило на второй план. Кагэтора распорядился бы о том же.

– Ясно. Я тоже вернусь в Кумамото, как только решу эту проблему с заложником – меня беспокоит, чем там занимаются Отомо в школе Кодзё... Ты точно сама справишься?

Аяко кивнула – несмотря на замешательство, настроена она, похоже, была решительно. Они ещё какое-то время обменивались новостями, договорились быть на связи, а потом Чиаки положил на рычаг трубку встроенного в машину телефона – и долго сидел так, не шевелясь.

Наоэ жив...

Скованный внешним оцепенением, Чиаки чувствовал, как ускоряется его пульс.

«То есть, он не очистился?..»

– Невероятно...

А ведь они так долго, так безрезультатно его искали... И кто – Кайзаки Макото? Аяко сказала, это не подселение и не перерождение – действительно, перерождённого бы Чиаки распознал. Но тогда, когда они мимоходом пересеклись в школе Кодзё, единственное, на что Чиаки хоть как-то среагировал, был запах. Не сверх-чувство, а вполне физическое – очень странно.

Значит, он – Наоэ? Харуиэ не почудилось?

«Кайзаки Макото – это Наоэ...»

В таком случае, он стоял и за Эносимским инцидентом. Возможно, это как-то связано с Иробэ, с тем, чем Иробэ и Хаккай в тайне от Кагэторы заняты под прямым руководством Кэнсина... Возможно, сам Наоэ перешёл под его прямое руководство...

«Что всё это значит?»

Ладно бы он прятался только от Кагэторы – но он прятался и от них с Аяко. Странно... Мог бы хотя бы дать знать, что уцелел. Кто спас его – Кэнсин? Если это не перерождение и не подселение – как он вообще существует в этом мире?

«Ничего не понимаю...»

Наоэ не умер... Он жив...

Он придёт ко мне... Он просил подождать...

Неужели Кагэтора заметил?..

Лицо Чиаки приобрело суровое, жёсткое выражение. Истина ускользала от него. Зачем Наоэ это делал – чтобы им помочь? Чтобы как-то обратить ситуацию им на пользу? Его связь с Микурией, с Отомо, всё вот это...

Чиаки нужно было привести мысли в порядок. К тому же, он до сих пор не располагал вескими доказательствами того, что Наоэ и правда жив... Главное сейчас

– сохранять трезвую голову. Он ещё раз напомнил себе об этом, когда его окликнул Миикэ Тэцуя, который бегал купить чего-нибудь попить.

– Сэнсэй, что-то случилось? На вас лица нет...

– А?.. Нет, ничего.

Тэцуя сунул ему банку с кофе, и Чиаки перевёл дух.

Дело было в святилище Асо, куда они приехали с Харуей, чтобы кое-что разузнать. Тэцую Чиаки изначально брать с собой не собиравшись, но тот встал в позу и ясно дал понять, что поедет хоть на крышке багажника. Чиаки махнул рукой и согласился, а Харуя вообще ничего не сказал.

Предмет, местонахождение которого их интересовало, назывался Голова Золотого Змея и должен был храниться в святилище Асо как сокровище.

Как объяснил глава семьи Миикэ, раньше этот предмет служил в Симомие «вместилищем божества»¹, но после извержения вулкана Асо в шестом году Дзёган (864 г.) объект поклонения переместили в святилище Асо. Об этом существовала запись в летописи Миикэ – серии древних тайных документов, хранившихся в семье, которые, доведись им стать достоянием общественности, сразу попали бы в ранг национального сокровища. До сих пор же их не держал в руках никто, кроме наследственных Тамамори.

В летописях Миикэ объект значился как «синтай»², а в записях святилища Асо – как «пожертвование двенадцатого месяца шестого года Дзёган». Должно быть, таким образом пытались сохранить всё связанное с ним в тайне. Потом в семействе Асо его стали называть Головой Золотого Змея, и Миикэ тоже переняли это название.

Но, оказывается, Харуя – а вернее, все Тамамори Миикэ на протяжении многих поколений – кое в чём ошибались, и выяснилось это буквально только что: Головы Золотого Змея в святилище Асо не было.

Харуя, услышав это, побледнел: «Неужели украли?!» – но быстро понял, что дело в другом. Согласно записям Голову Золотого Змея увезли из святилища Асо аж четыреста лет тому назад, просто Миикэ до сих пор не знали об этом. Увезли и передали не кому-нибудь, а тогдашнему правителю Хиго, Сассе Наримасе.

Тут пришёл черёд Чиаки удивляться: кто бы мог подумать, что имя Наримасы всплывёт в этой истории! Выходит, Голова Золотого Змея одно время принадлежала ему, но что с ней стало потом – неизвестно. Никто не знал, где Голова находится сейчас, и в доступных публике записях ничего об этом сказано не было.

¹ Го-синтай (御神体) – буквально «тело божества», объект поклонения в синтоизме, заключающий в себе дух божества.

² Здесь слово «синтай» записано как 真体, то есть с другим иероглифом и означает буквально «истинное тело».

Тогда Харуя предпринял другую попытку выяснить это: встретившись с нынешним главой семейства Асо.

Между кланами Миикэ и Асо с давних времён существовала особая глубокая связь, поэтому, когда Тамамори Миикэ объявился на пороге их дома с просьбой увидеться с хозяином, домочадцы засуетились и мигом организовали встречу.

Глава семьи Асо также служил настоятелем в одноимённом святилище – главном синтоистском храме Хиго³, позже вошедшем в число святилищ, поддерживаемых государством⁴. В нём почитали Такэиватацу-но микото, первооткрывателя Асо, вместе с двенадцатью родственными ему богами – что вообще в Японии было редкостью.

Семья Асо занимала высокое общественное положение, когда-то её глава даже носил титул барона⁵. И вот это высокопоставленное семейство было тайным, никому неизвестным образом связано с Миикэ, никогда не поднимавшимися выше старост в своей деревне.

Харуя прежде не встречался с главой семьи Асо – вообще, по его словам, подобных встреч могло не происходить на протяжении двух или трёх поколений, и в этом не было ничего странного. Общение между главами семейств очень редко выходило за рамки переписки. Иными словами, просьба о личной встрече от Тамамори Миикэ говорила о чрезвычайной ситуации – такие между Миикэ и Асо были отношения.

На встрече глав семейств никому (даже родственникам) присутствовать не полагалось. Кроме того, если одна из сторон просила о встрече, другая должна была отложить все прочие дела – так было заведено, и уже больше тысячи лет две семьи придерживались этих правил.

Естественным образом, ни Чиаки, ни Тэцуя пойти с Харуей не могли, поэтому просто ждали его у ворот.

– Скажи, а ты знал – ну, вообще, Возносящие Молитвы знали что-нибудь о Голове Золотого Змея? – спросил Чиаки.

Тэцуя покачал головой. Он впервые об этом слышал.

– Мы думали, нынешнее вместилище божества – то самое и есть, настоящее. А оно, оказывается, было в святилище Асо...

«Настоящее?..»

Тэцуя замолчал – должно быть, испугавшись, что сболтнул лишнего. Чиаки подумал: неужели он чего-то недоговаривает?..

³ Святилище класса «итиномия», первое по рангу святилищ провинции (во времена феодальных провинций).

⁴ Кампэй-ся (官幣社) – так в период с 1871 по 1946 год называли святилища, наиболее тесно связанные с императорской семьёй и пользовавшиеся поэтому особой поддержкой государства.

⁵ Дансяку (男爵), низший из пяти дворянских титулов (кадзоку), существовавших в Японии с 1884 по 1946 год.

Примерно час спустя, закончив свою беседу, появился хмурый Харуя и велел везти его домой. Они вернулись в дом Миикэ, поздно поужинали, а потом Харуя позвал Чиаки к себе в комнату. Он выяснил, что стало с Головой.

– То есть, в семействе Асо об этом знали?

У Асо, также как и у Миикэ, существовали тайные записи. Летописи Асо были обнародованы и служили материалом для разных научных исследований, но это не означало, что семья раскрыла все свои секреты. Тайные записи на то и тайные, чтобы даже об их существовании никто не подозревал. Рассказывалось в них о разном: частных делах, секретах военного времени... Харуя предположил, что, возможно, найдётся там что-то и о Голове Золотого Змея. По его просьбе печать на документах вскрыли – и действительно: интересующее их дело было описано в деталях. Повезло.

– Четыреста лет назад клан Асо передал Голову Золотого Змея Сассе Наримасе в знак вассальной верности. Похоже, тогдашний глава семьи, Корэмицу, не знал, чем на самом деле является этот предмет. Никто не рассказал ему об истинном его происхождении.

На дворе был век усобиц. Семейство Асо к тому моменту больше напоминало клан воинов, нежели священнослужителей. В постоянных стычках, в жестокой борьбе за выживание само святилище пришло в упадок, и устная традиция передачи, связанная с Головой Золотого Змея, в какой-то момент прервалась.

– Известная всем легенда говорит о том, что Голова принадлежала гигантскому змею, живущему в глубинах Асо – обожествляя, таким образом, вулканическую магму. В другом варианте это одна из голов мифического чудовища Ямата-но ороги.

– Ямата-но ороги?..

– Да. Но и то и другое на самом деле – выдумка, созданная и распространённая Асо и Миикэ для того, чтобы скрыть правду. Дезинформация, короче говоря. И только главы семейств знали – обязаны были знать – об истинном происхождении Головы, и это знание должно было передаваться из поколения в поколение...

Но в хаосе войны передача прервалась. Поскольку была она устной, в записях ничего не отразилось. С другой стороны, разве не странно было надеяться на то, что знание может проделать путь в тысячу лет, передаваясь лишь из уст в уста? То, что между Асо и Миикэ сохранилась хоть какая-то связь, само по себе казалось чудом.

В эпоху Усобиц, в поколении Корэтоё и Корэмасы, семью священнослужителей Асо озарил своим появлением выдающийся полководец Кай Соун. На волне его силы они много сражались с могущественными соседями со всех четырёх сторон и, заключив союз с Отомо Соринем, успешно противостояли как южанам Симадзу, так и Рюдзодзи из провинции Хидзэн. Особенно отличился Соун в битве при Хибикигахаре. «У Асо есть Соун» – эти слова прогремели тогда по всем землям Кюсю. Однако после смерти Соуна, а затем и Корэмасы, всё резко покатило под откос. Старший сын

Корэмасы, Корэмицу, унаследовал пост первосвященника, но было ему на тот момент всего 3 года. Потом на Кюсю пришёл завоеватель-Хидэёси, и, пока Сасса Наримаса не утвердился в Хиго и не взял семейство Асо под своё крыло, несколько тяжелейших лет они жили в бедности, претерпевая всевозможные лишения.

Наримаса протянул им руку помощи, пытаясь таким образом добиться поддержки местных влиятельных семей – всё-таки имя Асо, их роль в качестве настоятелей святилища многое значили в этих краях, и Наримаса хотел сыграть на этом. Он вернул клану Асо прежние владения, и, видимо, в благодарность за это Корэмицу и отправил ему Голову, которая тогда хранилась вместе с летописями семейства в святилище Отоконари, подальше от опасностей войны. Истинное знание о ней на тот момент было уже утеряно: её подарили, как голову Ямата-но ороты, ценный и диковинный предмет.

– Ну, и куда же её подевал Наримаса? – Пристально взглянув в лицо Харуи, Чиаки подался вперёд.

– Наримаса очень обрадовался и закопал Голову под замком Куамамото, как охранное божество. Куаирню даже поставил.

– Под замком?!

Во времена Наримасы это был старый замок – то есть, место, где стоит сейчас школа Кодзё.

«Получается, именно её, Голову Золотого Змея, и искала Микурия?»

После этого никаких записей о Голове в хрониках Асо не было. Если ничего не произошло, она до сих пор должна лежать под школой Кодзё. У Чиаки не осталось никаких сомнений в том, что Микурия Дзюри – а точнее Отомо Сорин – разыскивает Голову Золотого Змея, то есть старый го-синтай святилища Симомия. Непонятно только, зачем.

– Миикэ-сан, что это на самом деле такое? Если не голова Ямата-но ороты, то что?

Харуя помедлил с ответом, и неудивительно. Даже в семействе Асо никому, кроме главы семьи, не полагалось знать секрет – должно быть, ему трудно было говорить об этом прямо. Тогда Чиаки решил по-другому сформулировать вопрос.

– Ну хорошо, а зачем вам надо было проверить, где она находится? Очевидно, вы предполагали, что кто-то может её искать. И ещё кому-то понадобилась Асара-химэ – одно и другое как-то связано между собой?

– Если бы кто-то, скажем, захотел использовать го-синтай Симомии с определённым злым умыслом... Асара для этого необходима. Без неё не получится.

– В смысле?

Харуя снова умолк и несколько минут сидел, уставившись на Чиаки едва ли не со злостью – пока, наконец, не принял решение.

– Похоже, больше мне ждать помощи неоткуда... Что ж, ничего не поделаешь. Мне нужен человек, обладающий силой, на которого можно положиться... Я доверюсь вам.

– Вы мне расскажете?

– Слушайте меня очень внимательно. Многие поколения Миикэ ценой жизни хранили этот секрет.

Лицо Харуи приняло суровое выражение, и он тяжёлым голосом сказал:

– Я уже объяснял, что божество святилища Симомия – это мстительный дух Кихати, которому Такэиватацу-но микото отрубил голову. Так вот, вместилищем божества служила его голова.

– Голова Кихати?! Та самая, отрубленная?

– Да. Нынешний го-синтай – уже замена. Настоящий и записывается по-другому, как «синтай», что означает «истинное тело». Его и перенесли в святилище Асо целых одиннадцать веков тому назад. Ненависть Кихати была так сильна, что его голова изменила форму и стала напоминать змеиную. Отсюда и название – Голова Золотого Змея – на основании которого наши предки придумали несколько легенд, объясняющих её происхождение. Легенда о голове Ямата-но ороги – одна из них.

– А почему синтай перенесли в святилище Асо?

– Чтобы уберечь от опасности. Дело в том, – пояснил Харуя, – что недостойные люди решили использовать голову для магического ритуала; их целью был государственный переворот. Синтай перенесли, чтобы не допустить этого.

Так повествовали летописи Миикэ, однако, по словам Харуи, на самом деле всё было иначе.

– На самом деле Асо у Миикэ голову попросту отобрали.

– Отобрали? Почему?

– Потому что подозрение пало именно на нас: мол, это Миикэ, а не кто-то другой, задумали свергнуть власть.

В том году, шестом году Дзёган, случилось очень большое извержение Накадакэ, а тогда считалось, что причиной извержениям – ненависть Кихати. Миикэ были потомками Микэну-но микото, которых семейство Асо ещё в незапамятные времена поставило присматривать за кратером. И вот пошли слухи, будто это люди Миикэ при помощи головы Кихати пробудили вулкан. В семье Асо, услышав об этом, решили, что Миикэ замыслили измену. Тамамори понёс наказание, и голову было велено отдать.

– И что же, Миикэ правда были виноваты?

– Этого я не знаю, – сказал Харуя, – но если бы голову действительно пустили в ход, дело бы не ограничилось извержением.

– Звучит так, будто вы знаете, чем это грозило.

– Голова Кихати способна погрузить весь остров Кюсю целиком на морское дно.

Чиаки невольно выпрямился.

– Так передаётся в моей семье. Вне зависимости от того, правдивы ли были слухи, у Асо была и другая причина забрать голову. Это был сдерживающий ход, а также предупреждение: мол, если вы чего задумаете, мы сложа руки сидеть не станем. Так Асо, потомки Такэиватацу-но микото, обращались с потомками Микэну-но микото – пытаюсь держать их в подчинённом положении.

– Но почему?

– Как опасный элемент. Не потому, что мы были потомками Микэну-но микото. Потому, что мы были потомками Асары.

– Асара-химэ... В чём её загадка, в конце концов? Неужели голова Кихати – настолько опасная вещь?

– В синтае запечатан дух Кихати, и, чтобы распечатать его, необходима Асара. Только она может общаться с ним, только она может его освободить. Это единственный ключ.

По преданию Асара-химэ – её реинкарнация – не может появиться ни в каком другом роду, кроме Миикэ. И вот, соответствующие способности проявились у Хокагэ. Все те странности на Праздестве Огня – это Хокагэ общалась с Кихати. Что доказывало: она и есть Асара.

– Следовательно, те, кто охотятся за Асарой, собираются пустить голову Кихати в ход. Как-то воспользоваться его силой.

– Наверняка. Это единственное, что приходит на ум.

– Миикэ-сан, – сказал Чиаки, сверкнув глазами, – похоже, то, что Асаре угрожает опасность – для вас не новость. Вы догадывались, что кто-то подбирается к голове Кихати? Потому и спрятали Хокагэ-сан?

Знание об Асаре, о вместилище божества Симомии никогда не выходило за пределы семьи Миикэ. В пределах семьи лишь Тамамори и его ближайший помощник хранили секрет о том, что синтай заключает в себе мстительный дух Кихати. Помощник Харуи умер семь лет назад – получается, что кроме него самого не должен был знать никто.

– Где же утечка информации? – спросил Чиаки. – Как, через кого это могло произойти?

– У меня есть одно предположение, – ответил Харуя спокойно. – Если подумать, кто мог знать, кроме меня... то это, вероятно, мой дядя, Кацуя.

– Кацуя?

Харуя кивнул.

– Моему отцу он приходится младшим братом, а двоюродному деду Тэцуи – старшим. Он порвал все связи с Миикэ аж шестьдесят лет тому назад, и сейчас носит фамилию своей матери: Икэда.

– Икэда Кацуя...

– Дядя, как мне рассказывали, взбунтовался против семейных устоев Миикэ – должно быть, в рамках древних традиций, которых мы неукоснительно придерживаемся, ему по молодости было тесно. Поэтому он ушёл из дома – его практически выгнали. Одно время под влиянием идей социализма он участвовал в подпольной деятельности коммунистической партии. Потом пришла война, и что с ним было в тот период, я не знаю, но, когда война закончилась, дядя основал свою собственную религию. Называется Химука.

– Химука?! – Чиаки не поверил своим ушам.

– Её приверженцы поклоняются Такэиватацу-но микото – по официальной версии. На самом же деле их бог – это бог огня, а точнее... – взгляд Харуи сделался острым, – ...Кихати Хоси, тот же Кихати-сама, которого чтят Миикэ.

– Неужели...

– Это было тайное божество, я не уверен, говорили ли о нём обычным верующим, и если да, то что именно... Либо же культ могла постигнуть судьба подпольных христиан – там сами адепты под конец толком не знали, кому они молятся. Но у дяди была одна амбициозная мечта, которая и подтолкнула его к основанию этой религии.

– Мечта? Неужели он хотел свергнуть власть при помощи Кихати?

На лицо Харуи набежала тень, и после паузы он сказал:

– Как видите, Химука отпочковались от Миикэ, но если моя догадка касательно дядиных мотивов верна, то те люди, которые сейчас развели всю эту деятельность вокруг Кихати... Я бы назвал их более «чистыми» Миикэ.

– Более чистыми? В смысле?

Харуя снова умолк, словно не мог заставить себя выговорить следующие слова. Он подошёл в своём рассказе к самой сути – Чиаки чувствовал это – но ему сложно было продолжать.

– Хорошо, – сказал Чиаки тихо. – Недавно несколько молодых верующих Химука пропали при странных обстоятельствах. Этому предшествовала смерть Икэды Кацуи. Как вы думаете, имеют ли эти люди отношение к записке с угрозой?

– Не могут не иметь, – ответил Харуя автоматически. – Мне кажется, смерть дяди подтолкнула этих молодых людей, его духовных преемников, к конкретным действиям.

– К тому, чтобы попытаться снять печать с головы Кихати?

– Да.

– Зачем им это надо?

И снова – уже в который раз – на этом месте Харуя замолчал. Очевидно, дело было нешуточное. Чиаки опять попробовал зайти с другого конца.

– А вы знаете, что пропавшие умеют летать? Откуда у них эта сверхспособность?

– Я знаю, как её можно приобрести.

– Правда?

– Секрет этой техники хранят и передают Тамамори. И приобрести – не совсем верное слово. Скорее, способность раскрывается, проявляясь тем сильнее, чем гуще течёт в жилах потомка Асары её кровь. В семье Миикэ существует несколько таких ритуалов, резонирующих с кровью Асары и позволяющих проявить родовые способности. Например, можно научиться создавать кристаллы из священной энергии магмы.

Харуя говорил об Огненных Камнях, которыми пользовались люди Химука.

– Но в любом из этих ритуалов не обойтись без священного пламени, которое поддерживается на алтаре в доме Миикэ.

– Что означает, – Чиаки подался вперёд, – что Икэда Кацуя похитил и пламя, и все секреты Тамамори. Он вас обокрал. Так?

– Не меня... – Харуя болезненно поморщился. – Моего брата.

– Брата?..

– В этом поколении не я первым унаследовал пост Тамамори, а мой младший брат. Звали этого человека Миикэ Хидэя, и Тэцуе он приходился родным отцом.

– Я слышал, он умер, когда Тэцуя был маленьким? – вопросительно сказал Чиаки.

– Верно. Скоропостижно скончался девять лет тому назад. Меня вызвали из Токио, где я тогда жил, и я стал новым Тамамори. Мы всем говорим, что это был несчастный случай, – продолжал Харуя, потемнев лицом, – но умер он при очень странных обстоятельствах.

– Неужели его...

– Да, велика вероятность, что его убили.

Чиаки затаил дыхание.

– Кто – Икэда Кацуя?..

Вдруг Харуя резко обернулся, почувствовав снаружи чьё-то присутствие. Чиаки замолчал. Харуя какое-то время прислушивался, а потом, повысив голос, сказал:

– Тэцуя! Ты там? Выходи!

Открылась янтарного цвета дверь, пропуская в комнату бледного Тэцуя; похоже, он слышал весь разговор. Харуя, тем не менее, оставался невозмутим.

– Я же велел тебе возвращаться домой. Почему ты до сих пор здесь?

Тэцуя сверлил его тяжёлым взглядом исподлобья.

– Я уже сказал: мы сами со всем разберёмся. Тебе я запрещаю дальше в этом участвовать. Возвращайся. Делай, что говорит Тамамори.

Плечи у Тэцуи заметно дрожали. Он хотел что-то сказать, но голос плохо слушался его.

– Я этого так... не оставлю... – выдавил он наконец. – Хокагэ вам не принадлежит! Я не позволю вам, Миикэ, распорядиться ей, как вздумается! Не позволю!..

С этим возмущённым возгласом Тэцуя выбежал из комнаты. Чиаки подумал: «Вот чёрт». Харуя от начала и до конца был спокоен.

– Тэцуя напоминает мне меня самого в молодости, – вдруг проронил он.

– Миикэ-сан...

– Я тоже был одним из тех, кто взбунтовался против семьи. Отказался становиться Тамамори, уехал – практически сбежал – в Токио, и, если бы не смерть брата, наверное, никогда бы не переступил больше порог этого дома.

По правилам унаследовать пост должен был Тэцуя, но тот был слишком мал, поэтому родственники обратились к Харуе. Он бы и не согласился, если бы в смерти брата не было ничего подозрительного.

– И дядя Кацуя был в этом на нас похож. Что заставило его основать веру с таким же объектом поклонения, что и в семье, которую он некогда так рьяно отвергал?

Что так изменило его взгляды за время войны?

– Поедем к Хокагэ, – наконец решил Харуя. – Даже если голова Кихати у них, без Асары они ничего не смогут. Нам нужно ехать к ней. Помогите мне.

Чем именно он просил помочь – защитить Асару? По-прежнему не собирался её отдавать? В любом случае, нужно было ехать.

– Где она? – спросил Чиаки. – Где сейчас Хокагэ-сан?

И Харуя без промедления ответил:

– В Такатихо.

Наступила ночь, и снег с дождём сменился настоящим снегопадом – так, что по горным дорогам стало не проехать без цепей. Если смотреть по карте, то кратчайший путь из Асо в Такатихо пролегал по государственному шоссе номер 325, но оно было узкое, со множеством крутых поворотов – по 265-му через Соёмати⁶ должно было получиться быстрее. И действительно, дорога оказалась широкая, ехать было удобно.

Посёлок Такатихо в префектуре Миядзаки славился как место, где боги по преданию сошли с небес на землю⁷. Также тут бытовала своя собственная, отличная от Асо легенда о Кихати – та, в которой его побеждает Микэну-но микото.

⁶ Эта административная единица перестала существовать в 2005-м году, объединившись с двумя соседними и образовав Ямомати.

⁷ Тэнсон корин (天孫降臨, «нисхождение божественного внука») – предание о том, как Ниниги-но микото, внук Аматэрасу о-миками, в сопровождении других богов сошёл на японскую землю, чтобы править ей. Посёлок Такатихо – одно из предполагаемых мест где, как считается, это произошло. Второе возможное место – гора Такатихо-но минэ вулканической группы Кири-sama, на границе префектур Кагосима и Миядзаки.

Естественным образом Миикэ, ведущие, как считалось, свой род от Микэну-но микото, имели глубокие корни на этой земле.

Как и во всяком овеянном легендами месте, здесь существовал ряд древних святилищ – например, Аmano Иvато. Микэну-но микото же почитали в святилище Такатихо.

– Кихати из Такатихо и Кихати из Асо – это один и тот же персонаж, или разные?

– Можно сказать, что один и тот же. Наверное.

Чиаки сделал вопросительное лицо.

– Кихати – имя реально существовавшего человека, но в легендах, знаете, о многом говорится через символы. И очень распространён антропоморфизм.

– То есть, Кихати собой что-то символизирует?

– Думать так, я полагаю, не будет ошибкой.

Чиаки бросил на Харую недоуменный взгляд через зеркало, а потом ему кое-что пришло в голову. Предание о Кихати существовало в окрестностях Асо в нескольких местах. «Антропоморфизм», «символ» – это наводило на определённые мысли. Чиаки начал в общих чертах догадываться о том, что представлял собой Кихати – поверженный то ли Такэиватацу-но микото, то ли Микэну-но микото...

«Неужели легенда о Кихати – именно об этом?..»

Они въехали в посёлок, и, следуя указаниям Харуи, взобрались в горы за ущельем Такатихо, выше по течению реки.

Местность здесь представляла собой горную теснину с нагромождениями голых скал. В расположенном чуть поодаль святилище Аmano Иvато вместилищем божества служила пещера, где, по преданию, пряталась богиня солнца Аматэрасу; молитвы возносили с противоположного берега, а главного зала вообще не было, что для святилища – редкость. И вот на этой земле оживших легенд, где всё было пропитано атмосферой древних сказаний, Асара-химэ, она же Хокагэ, скрывалась от мира целый год.

– Род Миикэ, можно сказать, начался в Такатихо. Здесь есть семьи, с которыми у нас с давних времён глубокая связь. Мы оставили Хокагэ у них на попечении.

– Чтобы её не нашли верующие Химука?

– После того памятного празднества огня сила Асары в Хокагэ стала быстро расти, и мы тоже это видели, – отозвался Харуя с пассажирского сиденья. – Будучи жрицей огня Асара обладает соответствующими способностями. После того, как Хокагэ установила тогда с Кихати первоначальную связь, в ней проснулись способности жрицы, и, когда они стали уже слишком велики – год назад это было – мы решили укрыть её от посторонних глаз.

– Чтобы Икэда Кацуя не узнал?

Харуя помолчал. Тэцуя с напряжённым видом прислушивался к их разговору.

– Да, получается, что именно за этим.

– Значит, это он послал записку с угрозой? – спросил Тэцуя осторожно. – Сэнсэй... Вы тоже думаете, что он и есть настоящий преступник?

– Ну... Кто уж там настоящий преступник, это ещё вопрос.

По меньшей мере в утечке информации люди Химука действительно виноваты.

То, что Инабу Акэми похитил Симодзума Райрэн, Чиаки понял, сопоставив сведения из двух источников: от очевидцев схватки в святилище (утверждавших, что Акэми увёз тот же человек, который напал на Такаю) и от Кайзаки (по словам которого на Такаю напал именно Райрэн). Из этого следовало, что люди Химука связаны с Иккосо. То, что одни сражались с Такаей, а другие его спасли, казалось странным, но, наверное, этому было какое-то объяснение.

Как участники альянса против Оды Иккосою были в союзе с Акэти Мицухидэ, а Мицухидэ объединил силы с Симадзу – об этом Чиаки уже знал. Симадзу враждовали с Отомо. Но в школе Кодзэ хозяйничали именно Отомо.

Неизвестно, выяснили ли уже люди Химука, где была спрятана Голова Золотого Змея. Даже Харуя никак не узнал бы, что искать надо в школе Кодзэ, не загляни он в секретные летописи Асо.

Тогда откуда про Голову узнали Отомо? Наверное, кто-то из возродившихся генералов клана Асо, примкнувших, как Чиаки слышал, в Усобице Духов к Отомо, им рассказал (скорее всего либо Корэтоё, либо Корэмаса, либо Корэмицу). В таком случае Отомо не только не знали, что помимо Головы Золотого Змея им понадобится Асара – они не подозревали, что это на самом деле голова Кихати.

Иными словами, за одним предметом охотились две стороны, но каждой из них не хватало существенной информации. Если так, то ещё можно было что-то предпринять.

– В любом случае Инабу нужно спасать. Нельзя оставлять её в руках похитителей.

– Сэнсэй, а вы-то сами кто такой? – проговорил Тэцуя с угрозой в голосе. – Столько всего вытянули из Тамамори – поверить не могу. Тут же явно что-то нечисто. И с Оги тоже... Про каких-то духов мне заливали... С тех пор, как вы объявились у нас – всё пошло не так, и вот результат!

«Опаньки...»

Чиаки удивился; самому оказаться под прицелом было неожиданно.

– Прежде чем копаться в чужих делах – про себя правду расскажите! Чего вы двое забыли в нашей школе?

Вмешался не кто иной, как Харуя.

– Прекрати, Тэцуя, – одёрнул он племянника, и тот непроизвольно выпрямился. – Будешь шуметь и мешать – отправись домой. Ты так просил увидиться с Хокагэ. Если действительно этого хочешь – сиди молча.

– Но дядя...

– Хватит пререкайся. Это невежливо по отношению к учителю.

Несмотря на весь свой протест, перечить Харуе Тэцуя не мог, и дело было не только в окутывавшей Тамамори ауре властного достоинства. Всё-таки Харуя был к нему холоден сверх необходимого.

Подозрения о том, что их отца убил Икэда Кацуя, члены семьи Миикэ до сих пор держали от Тэцуи и Хокагэ в тайне. Возможно, все разговоры об этом считались табу, и кажущаяся холодность в обращении была необходима, чтобы сохранить секрет. Возможно, это было оборотной стороной сочувствия.

– Вон за тем зданием справа будет узкая дорожка, – сказал Харуя, – сверните на неё и остановите, когда увидите тории.

Чиаки сделал, как ему было велено, и остановился. Дальше предстояло идти пешком. Вооружившись большим карманным фонарём, все трое вышли из машины.

– Следуйте за мной.

Харуя, а за ним Чиаки и Тэцуя двинулись по горной тропинке в гущу леса и шли так довольно долго. Вокруг было совершенно темно; хотя на почти не разветвляющейся тропе сложно было заблудиться, она не предназначалась для ходьбы по ночам. Прошло немало времени, прежде чем впереди наконец забрезжил свет: чьё-то жилище. На небольшой поляне одиноко стояли два старых деревянных строения, одно из которых – то, что поменьше – оказалось выдавшим виды святилищем.

– Святилище Симо... – прочитал Тэцуя на табличке сверху. – И здесь святилище Симо? Ну надо же...

Харуя прошагал к дому, где навстречу ему вышла немолодая женщина – должно быть, он заранее предупредил о своём приезде. «Добро пожаловать, Тамамори», – сказала женщина – а потом заметила рядом Тэцуя.

– Мой племянник Тэцуя, – объяснил Харуя. – Сын моего младшего брата.

– Господина Хидэи?..

Женщина, повернувшись к Тэцуе, очень почтительно ему поклонилась. Возможно, был в этом поклоне и оттенок соболезнования.

Харуя звал женщину «Цукамори».

– Где Асара?

– Поднялась танцевать ночную кагуру.

– Вот как...

Бросив быстрый взгляд на вершину горы, Харуя тихо спросил:

– Вы приготовили то, о чём я говорил?

– Я отправила человека. Когда она спустится, уже должно быть.

– Понятно.

Махнув рукой своим спутникам, Харуя обогнул святилище и зашагал по тропе, которая вела оттуда наверх. Чиаки и Тэцуя послушно двинулись следом. Примерно через десять минут ходьбы из темноты стал доноситься звон колокольчика.

– Этот звук...

Так звенит колокольчик во время танца жрицы. Прошло ещё немного времени, и впереди показался свет.

Они вышли к пещере – большому отверстию в теле горы, в глубине которого находился источник света. Харуя без колебаний проследовал внутрь, и пламя свечей, которые горели там вместо костра, отбросило три большие тени на голые каменные стены.

В конце пути их ожидало невероятное зрелище; Тэцуя и Чиаки от удивления распахнули глаза. Перед алтарём в одиночестве танцевала облачённая в белое жрица, и чистый звук её колокольчика эхом расходился под сводами пещеры.

Жрица была юна и очень красива, и казалась существом не от мира сего. В её глазах, устремлённых в какие-то неведомые дали, застыло отсутствующее выражение, и вся её движущаяся фигура в неровных отсветах пламени наводила на мысли о запредельном.

Девушка танцевала, не замечая посторонних, поэтому они просто смотрели, дожидаясь, пока она закончит. Чиаки, неожиданно для себя самого – с восхищением. Тэцуя – застыв как вкопанный и раскрыв от изумления рот.

Наконец танец закончился, и жрица (которая, как им сказали, ходила танцевать сюда каждую ночь) обернулась. Её чёрные блестящие волосы были в полном порядке. Тэцуя надтреснутым голосом позвал её по имени:

– Хокагэ...

И тут же лицо жрицы полностью преобразилось, словно с неё слетела маска – даже Чиаки было странно это видеть. Выйдя из своего транса, она превратилась в обычную девушку, которая очень удивилась при виде стоявшей перед ней тройцы.

– Тэттян!.. Что ты здесь делаешь?

Потом её взгляд упал на Харую. «Тамамори», – прошептала Хокагэ, её красивые черты дрогнули, исказились, и из глаз вдруг полились слёзы.

– Спасите меня, Тамамори! – совсем по-детски взмолилась она. Чиаки заметил, как Харуя болезненно поморщился. – Пожалуйста!.. Всё, это предел, ещё немного – и Асара совсем меня сожрёт!..

Тэцуя распахнул глаза и оторопело пробормотал:

– Хокагэ...